

«У СУДЬБЫ НЕ ПРОСЯТ ДОБАВКИ»

В гостях у создателя знаменитого фильма
«Белое солнце пустыни» Владимира МОТЫЛЯ

Лит. Россия. — 1996. — 29 ноября. — С. 5

— Владимир Яковлевич, ваши фильмы знают и любят миллионы, можно сказать, не одно поколение россиян. И не только «Белое солнце пустыни». Достаточно назвать «Звезда пленительного счастья», «Женя, Женечка и «Катюша» или телефильм «Невероятное пари». Но ничего лично о вас нашим читателям почти неизвестно. Пожалуй, расскажите о вашей семье, о родителях.

— «Чей ты родом, откуда ты?..» Знаете, его величество случай и в кино, и в жизни, можно сказать, всегда играл решающую роль. Даже заполучить себе родителей оказалось непросто. Отец — юный польский социалист из Вроцлава — угрожает за решетку в Берлине и после отсидки перебирается в страну «коммунистического рая». Мама оканчивала тогда в Петрограде пединститут. И вот соседка по общежитию как-то просит ее встретить знакомого парня — политэмигранта, поскольку подружку вдруг вызвали на ночное дежурство. Судя по фотографии, мама была ослепительно красива. Отец влюбился с первого взгляда. Год осаждал упрямую студентку, пока ее родители — белорусские крестьяне — не познакомились с женихом и не благословили брак.

— И новорожденный всех ошастливил?

— Не спешите. Практикантка знаменитого педагога Антона Макаренко была фанатически предана не семье, а идеям создания нового человека, и собственного ребенка считала помехой. Дело чуть не дошло до развода, потому что отец грудью встал за мое право появиться на свет.

— Вы росли любимцем отца?

— Я рос без отца. Мне было три года, когда его загребли на Соловки. И мать со мной очутилась в ссылке на северном Урале.

— Из-за отца?

— Не только. Раскулачили моего деда (по линии матери). Он поверил декретам Ленина, поднял свое хозяйство, вырастил лошадей, всякую живность. Все отняла Советская власть, которую мой несчастный дед называл «собачья власть». Вместе с детьми — а семья состояла из восьми душ — забросили в край вечной мерзлоты. Не все выжили. А мама со мной по чистой случайности была тогда далеко от родительского дома. Так вот, кочевье по глухим уральским провинциям, где не было ни театра, ни картинной галереи, ни даже приличной библиотеки... Наверное, это во многом предопределило выбор моей профессии. Мир искусства начинался для меня с клубов, куда раз или два в месяц привозили кинопередвижку. Чарли Чаплин, «Детство Горького», «Чапаев», «Мы из Кронштадта», «Полуночные рассказы» — фильмы завораживали меня куда сильнее школьных уроков.

— Владимир Яковлевич, а ваша собственная семья? Как отразилась на ней ваша деятельность?

— Во многом негативно. Жена моя в молодые годы сыграла на сцене уральских театров немало ярких комедийно-характерных ролей, но ради семьи принесла в жертву карьеру актрисы. И дочь фактически росла без отца. То я в Бурятии, Сибири, Таджикистане, на Памире, то в Ленинграде, Москве — и все вне дома. Они с матерью и родителями жены жили тогда в Свердловске. Дочь окончила там биофак университета, но верх взяла тяга к творчеству... Художницей по костюму дебютировала она в казахской картине Сергея Бодрова «Сладкий сок внутри травы». С середины восьмидесятых сотрудничала со мной в трех моих картинах. А мой внук, ее сын, закончил Школу-студию МХАТ, недавно получил международную награду как художник-авангардист.

— Вы сами заканчивали ВГИК или курсы кинорежиссеров?

— Ни то, ни другое. Во ВГИК не попал. Прошел два тура, третий прогнул. Да, да. В Москву приехала школьная одноклассница, моя первая любовь. И я потерял голову, забыл все на свете. А на высшие курсы не допустили... Кто-то другой прошел по моим письменным работам. Когда мне вернули конверт с отказом, внутри оказались чужие сочинения... Судьба!

— И как же вы все-таки пробилесь в кино?

— По параболе. Скрепя сердце окончил театральный вуз в Свердловске. В театрах Урала, Сибири, Центральной России, позже в Москве, в Болгарии поставил три десятка спектаклей. Театр дал мне многое. Открылись тайны актерской профессии. Да и драматурги многому учили: Чехов, Лопе де Вега, Арбузов, Розов, Шоу, Островский. Но тоска по кино не отпускала. Я был уже главрежем ТЮЗа в Свердловске, не выдержал, бросил все, подался в ассистенты на киностудию. И тут подворачивается случай. На «Таджикфильме» оставили едва начатую картину. При тогдашнем плановом хозяйстве киностудия обязана была «единицу» завершить. Тут-то меня и отрекомендовали в Кинокомитете друзья — драматург Гребнев и психолог Марков. За дебют фильма «Дети Памира» вручили Госпремию республики. И диплом лауреата стал моим профессиональным дипломом. Словом, кривая вывезла...

— Этой осенью на экранах Красноярска, Владивостока, Челябинска и Москвы показывали ваш новый фильм «Несут меня кони». Предстоит показ еще в десятках регионов. Картина побывала на фестивалях Канады, Болгарии, Крыма, США, Италии, приглашена на просмотры в Германию, Индию. Расскажите нашим читателям, что привлекло вас к любовному сюжету?

— В каком-то смысле это моя реакция на многолетний обвал чернухи, политического кино, элитарной «зауми». На все то, от чего отвернулся зритель, истосковавшийся по добрым чувствам, по романтике. В эйфории свободы большинство молодых кинорежиссеров забыли о народе и тешились наградами расплодившихся кинофестивалей. Многие обслуживали жажду Запада, где чернуху принимали со сладострастием по поводу конца «империи зла». В фильме «Несут меня кони» я хотел обратить внимание на то, о чем А.С. Пушкин сказал когда-то: «Оглянемся, но поздно и уныло глядим назад, следов не видя там...». Речь об ответе каждого за собственные промахи, о способности человека заглянуть в душу, а потом наконец раскаяться...

Это история о том, как едва не была растоптана любовь. И лишь чудо, случай спасает героя от гибели. А чудо — не что иное, как Бог. Герой слишком долго не понимает, что вина за его непутевую жизнь не во врагах, а в нем самом. На эту сложнейшую роль я пригласил Андрея Соколова. После дебюта в «Маленькой Вере», после ряда других работ в кино и театре он стал одним из популярных актеров. Сложность характера героя в том, что большую часть фильма он раздражает, вызывает досаду... И лишь благодаря таланту и обаянию Соколова в конце концов берет реванш. Сужу по многочисленным отзывам зрителей.

— Владимир Яковлевич, выдающийся успех в кино пришел к вам с выходом «Белого солнца пустыни». Если не ошибаюсь, в первый же год картину закупили более ста стран. И за последние годы ни один наш фильм не имел столько

повторных показов на телевидении, сколько эта, одна из любимых картин россиян. Этот факт подтвердил и телефестиваль «Золотой билет», недавно вручивший вам приз по номинации «Самый любимый фильм» телезрителей России.

Известно также, что ваш шедевр выдвигался на Государственную премию. У наших читателей не укладывается в голове, как же случилось, что этот всеми любимый фильм обойден наградой, причем трижды.

— Вопрос не ко мне...

— А все-таки? Ведь впервые картина была выдвинута еще четверть века назад.

— Тогда все было просто. Ну никак не вписывалось наше «Солнышко» в идеологические стереотипы. Но не только это. Среди старших моих коллег поднялся тогда переполох. И эта «жадная толпа», стоявшая у «трона», — члены коллегии Госкино, тогдашние секретари Союза кинематографистов, — дружно перекрыла фильму дорогу на конкурсные фестивали. Не только за рубеж, но и у нас в стране. Чтобы, не дай бог, не схватил я какой-нибудь награды. Зато сами «гонители» наездили с «Белым солнцем» на внеконкурсные недели и декады по всему миру...

— А вы?

— Неужто не догадываетесь? Пока за мою картину «гребли» валюту в «закрома Родины» и развлекались, я, будучи вне штата, должен был ломать голову, как прокормить семью, как заработать на крышу над головой.

И они меня же еще и презирали. Считали всякий фильм зрительского успеха третьесортным. Якобы лишь они создают искусство общественно-политической значимости.

— Но это было в другом государстве... А что же теперь? Насколько известно, в Комитет по Государственным премиям передавались обширные материалы мировой и отечественной прессы. Одно письмо в комитет от героев-космонавтов чего стоит: «Может ли рядом с «Белым солнцем пустыни» встать какой-либо другой фильм, который бы обладал такой же длительной устойчивой популярностью? Художественное совершенство картины, ее доброта и демократизм, созвучие ярких образов событиям современности с каждым годом укрепляют народную любовь к картине... Поощрение народного фильма принципиально важно для демократического государства...»

Неужели и сегодня выдвижение этого фильма на премию оспаривают ваши коллеги?

— Именно так — оспаривают. Киносекцию Комитета по Государственным премиям возглавляет известный артист и оратор Ролан Быков. Он коистоскопически лезет, чтобы «Белому солнцу пустыни» и во второй, и в третий раз отказали в награде.

— Но не один же он в Комитете по Госпремиям!

— В России всегда был силен «столоничальник». Тот, кто докладывает наверх. Вспомним историю с известным, в свое время очень популярным и любимым Вадимом Козиным. Уже с

Владимир МОТЫЛЬ. Чикаго, 1996 г.

Президентом России Б.Н. Ельциным согласовали высокое звание певцу, а столоничальники «все не пустили». И лишь перед кончиной великого артиста власть признала его «народным».

— Владимир Яковлевич, как же, несмотря на все пережитое, в других фильмах и в последних работах «Расстанемся — пока хорошие», «Несут меня кони», — как удалось вам не озлобиться, сохранить человеческую доброту, гармонию, которую они излучают?

— Был мощнейший противовес. Народная любовь. Я извездил в семидесятые — восьмидесятые годы практически весь Советский Союз. От Балтики и Мурманска до Средней Азии, Камчатки и даже Курил и Командор. И везде был как дома. Столько лет купаться в человеческой любви — отчего же мне озлобиться?

— Я не ошибаюсь, что за все, что вы создали в киноискусстве, вас не удостоили до сих пор даже звания?

— Ошибаетесь. При Советском Союзе — да, а в конце 1992 года был Указ Президента России о присвоении мне «заслуженного деятеля искусств».

— А почему же тогда нигде ваше звание не упоминается?

— А я от него отказался...

— Вы что, лишены честолюбия?

— В семидесятых звание наверняка меня бы обрадовало. Но в девяностых, когда уже завоевано доброе имя, уже не прельщает сливаться с множеством приспособленцев, лишь по воле правителей возведенных в «народные». А потом, знаете, уже через пару лет после выхода «Белого солнца пустыни», куда бы я ни приезжал на заработки, как правило, встречали меня самозвано объявлявшие «заслуженным деятелем». Я это опровергал, уверял, что это не соответствует действительности, а в душе оставался осадок. После фильма «Звезда пленительного счастья» называли уже не иначе как «народным РСФСР». А весной 1992-го оказался я в США. Пригласила меня русская эмиграция в Филадельфию. И на афишах я уже красовался как «народный СССР». Мог ли я после столь разогретого честолюбия опускаться до «приготовишки»? Как говорил Сергей Довлатов: «У судьбы не просят добавки». А если серьезно... Не дело властей делить художников на разряды. Это развращает, как средневековая индугенция. Почетного потолка у творческой личности быть не должно! Каждый акт творчества доказывает состоятельность заново. Только так! Художник — миссионер от Бога, а не от правителей. Система званий от тоталитарного режима — позор в демократическом обществе. Кроме соцлагеря звания прижились лишь в фашистской Германии. Но художники бывших соцстран уже давно сбросили их на свалку. Только наши еще дрожат, что без них останутся «голыми»...

Если России суждено стать цивилизованной страной, звания отпадут, как короста от здорового тела, увидите...

P.S. Когда верстался номер, нам стало известно, что 12 ноября в Белом доме решением Президента России за выдающийся вклад в кинематограф за фильм «Белое солнце пустыни» режиссер В.Я. Мотыл, главные исполнители ролей Анатолий Кузнецов и Спартак Мишулин были награждены орденами Почета. В день вручения наград Владимир Яковлевич Мотыл был на кинофестивале в Италии.

Беседовала и записала
Татьяна ЯМЩИКОВА

